

А. П. Мартемьянов (Харьков)

Владимир Иванович Кадеев и ветераны римской армии

Отличительной чертой В. И. Кадеева как научного руководителя было благожелательное отношение к поискам его подопечными новых направлений и тем исследований. Так было и в случае, когда я около 30 лет назад заинтересовался проблематикой, связанной с положением в провинциальном обществе Римской империи армейских ветеранов. Более того, увлекшись, Владимир Иванович стал соавтором статьи о ветеранах римской армии в Нижней Мезии [1]. В ней, в частности, затрагивался вопрос о том, насколько характерным было для проживавших в этой провинции отставных военнослужащих активное участие в местном самоуправлении и религиозной жизни. В те времена единственным автором, обращавшимся к этой теме, был польский ученый Л. Мрозевич. Согласно его подсчетам, обязанности должностных лиц в Нижней Мезии исполняли менее 9 % ветеранов [2, с. 93–94; 3, S. 307; 4, s. 159–160, 162; 5, S. 67, 73–75]. С нашей же точки зрения, бывшие воины участвовали в общественной жизни провинции гораздо активнее и местным магистратом или жрецом там был каждый пятый–шестой ветеран [1, с. 13]. Впоследствии это мнение было подвергнуто критике И. Бояновым, по словам которого во фракийских землях магистратами и жрецами были не более 10 % ветеранов [6, с. 269; 7, р. 257]. Примерно в то же время к выводу, что должностными лицами являлись 7,9 % известных по надписям с территории Нижней Мезии отставных военных, пришел К. Крульчик [8, S. 149].

В 80-е годы XX в., когда писали свои работы мы и Л. Мрозевич, по эпиграфическим данным на землях Нижней Мезии было известно всего около 130 ветеранов. Сейчас же количество таких свидетельств существенно возросло, и каталоги, составленные И. Бояновым и К. Крульчиком, содержат сведения о почти 200 проживавших там отставных военных, причем число упоминаемых в надписях ветеранов — магистратов и жрецов, увеличилось очень незначительно. С учетом этого, критика И. Боянова может показаться справедливой. Однако его выводы основаны на неверном, с моей точки зрения, подходе к определению степени социальной активности бывших воинов. Дело в том, что о ней принято судить по отношению числа ветеранов, являвшихся магистратами и жрецами, к общему количеству отставных военнослужащих, упоминаемых во *всех* известных

надписях (например, 9 к 147 — для Далмации, 12 к 250 — для Верхней Паннонии, 10 к 132 — в Верхней Мезии и т. д. [8, S. 149]). Между тем, многие из этих текстов ввиду специфики своего содержания нести в себе информацию о том, были ли ветераны, о которых идет речь, должностными лицами, просто *не могут*. Показательным в этом отношении примером являются военные дипломы и различные списки воинов, уволенных в отставку. Любой из названных в них ветеранов, теоретически, впоследствии мог стать магистратом или жрецом, но установить, были ли такие случаи на самом деле, невозможно. Следует учитывать и то обстоятельство, что массовое заселение бывшими военными провинциальных земель нередко начиналось в период, когда муниципальной организации там еще не существовало. Надписи этого времени довольно часто сообщают о ветеранах, но рассчитывать на то, что среди них обнаружатся местные магистраты, естественно, не приходится. Эти тексты также фиксируют факты пребывания на территории провинций отставных военнослужащих, но не могут содержать в себе сведений о выполнении ими обязанностей должностных лиц. С каждым таким сообщением численность известных в провинции ветеранов возрастает, в то время как количество магистратов и жрецов остается неизменным. Сколько бы ни было свидетельств подобного рода, составленное исключительно на их основе отношение числа ветеранов, являвшихся должностными лицами, к числу всех упоминаемых отставных военных всегда будет равняться нулю. Стало быть, такие надписи в интересующем нас отношении *несопоставимы* с теми, в которых *может* идти речь о гражданской карьере бывших воинов. Поэтому учитывать их при выяснении того, какая часть армейских ветеранов могла активно участвовать в общественной жизни провинций, неправомерно. На наш взгляд, этот показатель должен определяться посредством сравнения *соизмеримых* данных. Это означает, что при подсчетах следует учитывать только те надписи, в которых имеются сведения о гражданской карьере ветеранов или такая информация *могла бы* присутствовать, будь она достойна упоминания.

Полученные на основании такого подхода результаты позволяют существенно образом изменить представление о том, насколько типичным было для ветеранов участие в общественной жизни Нижней Мезии. Оказывается, что обязанности должностных лиц в этой провинции исполняли не 8–10 %, как принято считать, а около 17 % проживавших там бывших воинов и, следовательно, магистратом или жрецом был каждый пятый-шестой ветеран ¹.

¹ Работа, в которой представлены соответствующие результаты анализа эпиграфических материалов и основанные на них подсчеты, в настоящее время находится в печати.

Таким образом, точка зрения на роль отставных военных в местном самоуправлении и религиозной жизни Нижней Мезии, которую в свое время разделял В. И. Кадеев, сохраняет свою актуальность и сегодня.

Литература

1. *Кадеев В. И., Мартемьянов А. П.* Ветераните от римската армия в Долна Мизия и Тракия през първите векове на новата ера // Военноисторически сборник. — 1998. — Кн. 1.
2. *Mrozewicz L.* Rozwój ustroju municypalnego a postępy romanizacji w Mezji Dolnej. — Poznań, 1982.
3. *Mrozewicz L.* Munizipalaristokratie in Moesia Inferior // Eos. — 1982. — Т. 70. — Fasc. 1.
4. *Mrozewicz L.* Arystokracja municypalna w rzymskich prowincjach nad Renem i Dunajem w okresie Wczesnego Cesarstwa. — Poznań, 1989.
5. *Mrozewicz L.* Die Veteranen in den Munizipalräten an Rhein und Donau zur Hohen Kaiserzeit (I.—III. Jh.) // Eos. — 1989. — Т. 77. — Fasc. 1.
6. *Боянов И.* Римските ветерани в Долна Мизия и Тракия (I—III в.). — София, 2008.
7. *Boyanov I.* Veterans and Society in Lower Moesia and Thrace during the Principate // The Lower Danube Roman Limes (1st–6th c. AD) / eds. L. Vagalinski, N. Sharankov, S. Torbatov. — Sofia, 2012.
8. *Królczyk K.* Veteranen in den Donauprovinzen des Römischen Reiches (I.—III. Jh. n. Chr.). — Poznań, 2009.

